

России на том этапе ее развития. В частности, утверждался тезис о наличии в стране уже утвердившейся капиталистической общественно-экономической формации и вывод о тесной связи самодержавия и буржуазии, репродуцирующих в системе периодической печати единую идеологию, направленную на сохранение существующего устройства³⁶. Производной от этой теории была склонность оценивать все многообразие либеральных изданий в рамках двухполярной системы «самодержавие vs пролетариат». Понятно, что либеральная идеология и печать, со всеми оговорками, считались элементами монархического и буржуазного общества в противовес грядущему демократическому³⁷.

Основной недостаток этого подхода заключается в установке не на анализ, а на разоблачение «буржуазных отношений». Таким образом, анализ формирования системы образов и представлений об англичанах в начале XX в. заставляет быть осторожнее в оценках степени распространенности буржуазной идеологии в российском обществе того времени.

Примечания

- ¹ *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30–32.
- ² *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 10, 21; *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских. М., 2000. С. 190.
- ³ Русское слово. 1899. 1 октября. С. 3.
- ⁴ *Давидсон А.Б.* Африка в истории России (опыт трех столетий) // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001; *его же.* Великая южноафриканская война – в истории и литературе // Африка. Литературный альманах. Вып. 4. М., 1983; *его же.* Едут, едут по Капстаду наши казаки (о российской эмиграции в ЮАР) // Родина. 1996. № 9; *его же.* Первая большая война XX в.: [Об англо-бурской войне. Исторический очерк] // Азия и Африка сегодня. 1982. № 8; *его же.* Эта старая, старая песня // Азия и Африка сегодня. 1990. № 10; *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Бурский генерал Максимов // Родина. 1997. № 8; *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1.
- ⁵ *Davidson A.B., Filatova I.I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria; Johannesburg, 1998. P. 83.
- ⁶ Новое время (далее – НВ). 1899. 12 (24) ноября. С. 1; 1900. 16 (29) марта. С. 2; 14 (27) апреля. С. 2; 28 апреля (11 мая). С. 2; 5 (18) мая. С. 2; 7 (20) июня. С. 2; 7 (20) ноября. С. 1; 1901. 1 (14) января. С. 6; 3 (16) января. С. 3; 4 (17) марта. С. 2; 18 (31) марта. С. 3; 31 мая (13 июня). С. 1.
- ⁷ НВ. 1901. 30 января (12 февраля). С. 5; 18 (31) марта. С. 2.
- ⁸ НВ. 1900. 29 апреля (12 мая). С. 2; 1901. 1 (14) января. С. 2; Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 8 (21) марта. С. 1; 29 марта (11 апреля). С. 2; Свет. 1900. 5 (18) февраля. С. 3.
- ⁹ Буры и англичане. СПб., 1910. С. 3, 14, 17, 21, 22.
- ¹⁰ Гражданин. 1901. № 99. С. 7–10; 1902. № 36. С. 9; НВ. 1900. 18 (31) марта. С. 3; 19 апреля (2 мая). С. 2; Московские ведомости. 1900. 7(20) апреля. С. 2; 8 (21) апреля. С. 1; 20 апреля (3 мая). С. 2.
- ¹¹ *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... М., 1997. С. 38.
- ¹² Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 21.
- ¹³ Вестник Европы. 1900. Январь. С. 374; Май. С. 356–357; Июль. С. 372; 1901. Январь. С. 384; 1902. Январь. С. 378; Право. 1899. 3 октября. С. 1801–1805; Русские ведомости. 1899. 12 декабря. С. 4.
- ¹⁴ Журнал для всех. 1899. Ноябрь. С. 1390; Московский листок. 1902. 10 апреля. С. 3; 11 апреля. С. 3; 16 апреля. С. 3; 1902. 29 мая. С. 3; Нива. 1899. № 43. С. 8366; 1901. № 19. С. 378–379; 1902. № 7. С. 140; Новости дня. 1899. 6 октября. С. 3; 10 октября. С. 3; 24 октября. С. 3; 3 ноября. С. 3; 11 ноября. С. 3; 8 декабря. С. 3; 20 декабря. С. 3; 1902. 3 (16) марта. С. 3; 16 (29) марта. С. 1; Русское слово. 1899. 9 октября. С. 1; 15 октября. С. 1; 6 ноября. С. 1.
- ¹⁵ Вокруг света. 1900. № 21. С. 334; Московский листок. 1902. 29 мая. С. 3.
- ¹⁶ Русская мысль. 1902. Май-июнь. С. 29, 47; Русское богатство. 1899. Октябрь. С. 97; 1900. Январь. С. 210; Февраль. С. 108–109; 112, 119; Май. С. 29, 33; 1901. Февраль. С. 84–85; Март. С. 62, 74–75; Май. С. 52.
- ¹⁷ Русское богатство. 1899. Октябрь. С. 87–88, 142.
- ¹⁸ Там же. 1900. № 1. С. 189, 205.
- ¹⁹ Жизнь. 1899. Октябрь. С. 441; 1900. Ноябрь. С. 437; 1901. Январь. С. 402–404.
- ²⁰ Московские ведомости. 1899. 4 (16) ноября. С. 5.
- ²¹ См.: *Бердяев Н.А.* Борьба за идеализм // Мир божий. 1901. № 6.
- ²² Цит. по: *Репина Л.П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 171.
- ²³ См.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2.

²⁴ Англо-бурская война. СПб., 1900; Англо-трансваальская война. Протест буров и их история. СПб., 1900; Англо-трансваальская война на рубеже XX века. М., 1900; *Андреев И.В.* Трансвааль (Зафалье) и соседи. М., 1899; *Борохович В.Л.* Политика Англии, как источник мировых бедствий. Смоленск, 1900; Бу и англичане. СПб., 1900; Буры и англичане в Южной Африке. СПб., 1901; В помощь бурам. Очерк бурофи. СПб., 1900; *Герье В.* Буры и почему следует желать им успеха. СПб., 1900; *Глебов С.И.* (Гведич). Новый полон. СПб., 1900; Две силы или война англичан с бурами. СПб., 1900; *Корсаков Н.* Трансвааль и его богства. СПб., 1900; *Котляр Д.М.* Герои Южно-Африканских республик Трансвааля и Оранжевой. СПб., 15 Мысли об упрочении европейского мира. СПб., 1900; Начало и конец англо-бурской войны. 1899–1900. Составлено по новейшим иностранным сочинениям. СПб., 1900; Памятка о «братине» и пожелание от русских людей Питу Кроуэ и его бурам. СПб., 1901; *Позняков Д.М.* Буры и англичане перед лицом современной шестенной науки. Борисоглебск, 1900; Покушение Англии на буров и их самозащита с нравственной точки зрения. М., 1900; *Пороховицков А.А.* Бог и буры. СПб., 1901; *Протасов М.* Буры и англичане. СПб., 15 *Реган В.Ф.* Англия и Трансвааль. СПб., 1900; Трансвааль и его страдания. Послание главнокомандующего Трансваальских войск П. Жубера английской королеве. СПб., 1899; *Чегуев М.И.* Чем должна кончиться в на Англии с Трансваалем. М., 1900; *Штиглиц А.Н.* Великобритания и ее южноафриканская политика. СПб., 1901; и др.

²⁵ Косвенную информацию о популярности образа буров в среде российского населения и ее роли в уличении дешевых патриотических изданий см.: *Куприн А.И.* Гамбринус // *Куприн А.И.* Собр. соч.: В 6 т. 1958. Т. 4. С. 171; *Паустовский К.* Далекие годы // *Паустовский К.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. С. 44; Русское гатство. 1900. № 12. С. 64.

²⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 295.

²⁷ *Левандовский А.А.* Угол преломления: (Русский предприниматель в зеркале художественной литературы) // Побег с вертикали. Исторические очерки. Эссе. Воспоминания. Псков, 2005. С. 117–134.

²⁸ *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Три конца // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 5. С. 6.

²⁹ *Хаззагерев Г.Г.* Политическая риторика. М., 2002. С. 30.

³⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 27 марта (9 апреля). С. 3; 28 марта (10 апреля). С. 3.

³¹ *Сергеевский Н.Д.* Ешь меня собака! Наша главная болезнь. Харьков, 1907. С. 13–18, 20–22.

³² *Рубакин А.* Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Т. 1. Языкознание, литература, искусство, публицистика, этика связи их с историей. М., 1911. С. 115.

³³ *Блок А.А.* «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» (Ответ на анкету) // *Александр Блок.* Андрей Белый. Диалог поэтов о России и революции. М., 1990. С. 415.

³⁴ *Летенков Э.В.* Из истории политики русского царизма в области печати. Л., 1974; *его же.* «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 3, 8, 60; *его же.* Опыт анализа качественных показателей развития российской периодики. 1901–1916 гг. // Круг идей: макро и микроподходы в исторической информатике. М., 1998; *его же.* Печать и капитализм России конца XIX – начала XX века (экономические и социальные аспекты капитализации печати). Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Л., 1988. С. 175–177, 1.

³⁵ *Витухновский А.Л.* Россия и англо-бурская война. Л., 1949 (Микрофильм диссертации). С. 175–177, 1.

³⁶ *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974. С. 9; *Махонина С.* Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991. С. 6–7; *Смирнов С.В.* Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 4.

³⁷ *Витухновский А.Л.* Указ. соч. С. 191; Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984. С. 167, 169; *Лаврычев В.Я.* Ук. соч. С. 159–160.

© 2008 г. В. В. ВОСТРИКОВА *

ПРОБЛЕМА БИКАМЕРАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX века

Становление системы представительства в современной России обусловило всплеск исследовательского интереса к истории первого российского парламента¹. Однако меньшую значимость имеет сегодня обращение к модели представительной власти сконструированной столетие назад отечественными либералами и базировавшейся на принципе бикамерализма. Между тем взгляды российских либералов на проблему бикамерализма не получили в историографии должного освещения. Они лишь фрагментарно

* *Вострикова Влада Владиславовна*, кандидат исторических наук, доцент Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в Орле).

рассмотрены в работах, посвященных анализу общественно-политических, государственно-правовых взглядов видных деятелей либерального движения, истории отечественного либерализма, а также в появившихся в последнее время исследованиях концептуального характера, предлагающих системный анализ либеральной модели переустройства России либо конституционализма как явления мирового и российского исторического процесса².

В данной статье предпринимается попытка анализа моделей двухпалатного представительства, предложенных в конституционных либеральных проектах начала XX в. и программных документах либеральных партий, а также позиции либеральных деятелей в отношении бикамеральной системы, оформившейся в годы Первой российской революции. Источниковая база работы – труды виднейших представителей российского либерализма по государственному праву; либеральные проекты Основного закона Российской империи и сопутствовавшие их разработке материалы; программы либеральных партий, материалы их деятельности в Государственных думах; публицистические работы либералов.

Интерес российских либералов к проблеме бикамерализма носил двойственный характер: научный (поскольку двухпалатная система являлась основополагающим принципом организации представительной власти абсолютного большинства конституционных государств Западной Европы и Северной Америки) и практический (разработка программы формирования системы представительства в России). Рассматривая генезис бикамеральной системы, либералы отмечали первенство Англии, где она сложилась исторически в отличие от континентальной Европы, в которой двухпалатная модель представительства, как указывал один из признанных специалистов в этой области В.М. Гессен, стала «инструментом рационалистического, а не исторического происхождения», возникнув под влиянием теории Ш. де Монтескье³.

Обстоятельному анализу либеральные ученые подвергли сложившуюся в конституционных государствах практику формирования палат. Они отмечали, что если нижние палаты парламентов повсеместно основывались на выборном начале, а различался лишь состав избирателей, то в отношении верхних палат ситуация выглядела гораздо сложнее и вариативнее. По способу формирования Гессен делил верхние палаты на выборные и невыборные. К последним он относил палаты наследственные, сословно-аристократические, и те, места в которых замещались по должности либо по назначению монарха (бюрократические). При этом нередко невыборные палаты являли собой эклектичное сочетание нескольких принципов организации. Например, палата лордов в Англии формировалась и по наследственному признаку, и по должностному (высшие сановники англиканской Церкви), и по назначению короля (4 пожизненных пэра из числа судей). Выборные верхние палаты Гессен подразделял на 3 категории: федеральные (из представителей субъектов федерации), палаты реального представительства (из представителей социальных групп либо территориальных союзов) и народные (из представителей населения в целом)⁴.

Наиболее целесообразным способом формирования верхней палаты российские либеральные государствоведы признавали представительство территориальных союзов. Аргументируя эту позицию, С.А. Котляревский писал: «Существует двойственность общественно-государственных интересов, имеющих равное право на политическое выражение; это – интересы государства в его целом – с одной стороны, и интересы отдельных местностей, его частей, с другой. Различие это не связано ни с профессиональными, ни с классовыми интересами; оно связано лишь с принадлежностью каждого гражданина к союзу государственному и союзу местному». Дуализм интересов, по мнению либерала, свое естественное выражение находит в системе двух палат, одна из которых – нижняя – избирается всеобщим голосованием и отстаивает общегосударственные интересы, а другая – верхняя – местными учреждениями и является оплотом региональных интересов. «Представительство момента многообразия частей государства, – отмечал Котляревский, – в противоположность моменту его единства, не ослабляет, а усиливает

политическое самоопределение нации»⁵. Представительство местностей рассматривалось им как гарантия защиты местных интересов от чрезмерной централизации.

Эту же мысль последовательно проводил Ф.Ф. Коккошкин. Во-первых, указывал он, при отсутствии возможности отстаивать местные интересы весьма вероятно принятие законов, не согласованных с местными нуждами, поскольку в руках центральной власти всегда остаются функции, затрагивающие местные интересы, ведь абсолютно четкую границу между ними и интересами общегосударственными провести нельзя. А, во-вторых, не будут гарантированы права региональных органов власти, ибо в случае противодействия последних высшему законодательному органу эти права могут быть урезаны либо и вовсе отняты⁶.

По мнению большинства либералов, представительство местных интересов в парламенте абсолютно необходимо в федеративных, но целесообразно и в простых (по современной терминологии, унитарных) государствах. С последней точкой зрения был категорически не согласен В.М. Гессен. В простых государствах, настаивал он, существует «резкое разграничение общеполитических и местных интересов. Привнесение местных мотивов в разрешение национальных вопросов так же противоречит природе простого государства, как привнесение мотивов общеполитических в решение местных вопросов»⁷.

Анализируя другой принцип реального представительства – от групп, сформированных по различным признакам (научному, религиозному, семейному и т.д.), отечественные либеральные деятели указывали на его теоретическую ошибочность и практическую неосуществимость. Хотя нация есть не только совокупность индивидов, но и совокупность социальных групп, писал, в частности, Гессен, «парламент не может быть "зеркалом" общественной группировки страны, – не только потому, что в современном атомизированном обществе существенно важные коллективные интересы нередко лишены какой-либо организации, но и потому, что никакое "политическое искусство" не в состоянии придумать системы равномерно-справедливого представительства разнообразных общественных групп»⁸.

По наблюдению либералов, общая тенденция демократизации избирательного права применительно к верхним палатам проявлялась не в расширении круга избирателей, а несколько иначе. С точки зрения П.Н. Милокова, здесь типичным было появление членов по должности или по назначению, что знаменовало собой победу бюрократических элементов над аристократическими⁹. Дальнейшие шаги в направлении демократизации процедуры формирования верхних палат либералы связывали с расширением выборного начала, оговаривая, однако, что это не означает введения «4-хвостки» (т.е. "всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права")¹⁰.

Сохранение различий в принципах формирования палат парламентов государствоведы объясняли практической целесообразностью: верхняя палата является действенным средством предотвращения чрезмерного усиления законодательной власти, занимающей в иерархии властей высшую ступень. Разделение же законодательной власти между палатами формирует своеобразный сдерживающий механизм внутри самого парламента, что, по мнению Коккошкина, служит одним из условий разделения властей, «исходящего из мысли, что сосредоточение всей государственной власти в руках одного органа, единоличного или коллегиального, создает опасность для личной и общественной свободы». Кроме того, с точки зрения государствоведов, верхняя палата призвана играть роль посредника в разрешении конфликтов, возникающих между нижней палатой и правительством, содействуя их мирному разрешению. Ведь «политическая история Западной Европы ... показывает, что когда поставлены лицом к лицу единое демократическое собрание и независимая от него правительственная власть, неизбежные конфликты между ними приобретают непримиримый характер, ведущий иногда к государственным переворотам»¹¹. Милоков связывал возможность верхней палаты оказывать влияние на бюрократию с тем, что после закрепления конституционных основ организации власти еще в течение достаточно длительного времени бюрократия именно верх-

ную палату ввиду ее элитарного состава рассматривает как силу, с которой следует считаться¹².

Серьезный аргумент в пользу сохранения верхней палаты либералы усматривали и в том, что она придавала процессу законотворчества большую осознанность, взвешенность, предупреждала принятие поспешных решений, которые могли исходить от нижней палаты вследствие случайно образовавшегося большинства либо на почве увлечения народных представителей политической риторикой¹³. По образному выражению Гессена, она являла собой одну из «плотин, воздвигнутых современным человечеством для защиты от демократического потопа существующего социального и политического строя»¹⁴. Наличие верхней палаты хотя и замедляло законодательную деятельность, но, с точки зрения либералов, существенно повышало ее качество, что имело особое значение в связи с усложнением государственной жизни¹⁵.

Гессен подчеркивал роль верхней палаты в плане защиты интересов меньшинства. Именно эта идея Монтескье, указывал он, а не идея уравнивания властей, как принято считать, лежит в основе организации большинства западноевропейских верхних палат, фактически имеющих плутократический характер независимо от способов их формирования. В качестве иллюстрации этого утверждения Гессен приводил Сенат США, который, будучи формально представительством территорий, на деле являлся цитаделью капитала. Объяснение этого либерал видел в самой структуре современного общества с его антагонизмом труда и капитала. С этой точки зрения, именно плутократический характер верхней палаты позволял ей быть действенным сдерживающим началом по отношению к нижней: чтобы выполнять умеряющую роль, «верхняя палата должна быть недемократичной, более того, антидемократичной»¹⁶.

Однако такой «мягкий» антидемократизм верхней палаты мог легко перерасти в откровенную реакционность. В таком качестве, отмечали либералы, как правило, выступали невыборные верхние палаты, использовавшие властью в период становления основ конституционализма как средство «умалить значение перехода к конституции»¹⁷. Вместе с тем либеральные мыслители не исключали того, что в определенных исторических ситуациях, «когда народное представительство находится под сильным давлением правительства, которое умеет устраивать благоприятные для него выборы, или когда оно действует среди нации, политически совершенно не воспитанной», даже такие верхние палаты могут ослаблять всемогущество бюрократии¹⁸.

Основным началом, определяющим правовую природу двухпалатной системы, государствоведы считали совместное участие палат в законодательной деятельности, причем здесь важнейшее значение имел вопрос о соблюдении принципа их равноправности. Гессен отмечал, что в большинстве западных стран палаты были наделены равными правами в законодательной сфере (права законодательной инициативы и внесения поправок в обсуждаемые проекты принадлежало каждой из них, причем для принятия закона необходим был консенсус между ними)¹⁹. Однако на практике, констатировал либерал, равноправие приводило к фактическому преобладанию верхней палаты, которой принадлежало последнее слово. Исходя из этого, Миллюков считал принцип равноправности палат устаревшим, соответствовавшим эпохе становления основ конституционализма, когда верхние палаты играли преимущественно охранительную роль, противопоставляя ему как более прогрессивный принцип предоставления верхней палате отсрочивающего veto, которое нижняя палата могла преодолеть повторным голосованием²⁰.

Теоретический анализ проблемы бикамерализма стал основой при разработке модели будущего российского парламента в либеральных конституционных проектах 1904–1905 гг., в число которых прежде всего входят «Проект Геллерта», «финляндский», «освобожденческий» («парижский», «Проект Струве») «муромцевский» (конституция Муромцева), «герценштейновский» проекты²¹. Все они предполагают двухпалатное устройство парламента, причем верхняя палата должна была избираться губернскими земствами и городскими думами, а нижняя – на основе всеобщего, равного, прямого (кроме «Проекта Геллерта») и тайного голосования. Авторы проектов пред-

видели возражения двоякого рода: «Для одних будет казаться, что мы требуем слишком много, для других – слишком мало, – говорилось во введении к "освобожденческому" проекту. – Одни найдут опасною организацию всеобщего избирательного прав другие будут неудовлетворены тем, что мы... сохраняем некоторые институты конституционного строя, которые подвергаются серьезной критике (как, например, двухпалатная система)»²².

Доказывая целесообразность всеобщего голосования как базового принципа формирования нижней палаты, авторы либеральных проектов еще более обстоятельно аргументировали необходимость для России института верхней палаты. По их мнению важнейшей ее функцией должно было стать обеспечение взаимодействия двух ветвей власти – законодательной в лице парламента и исполнительной в лице монарха. Разная подконтрольность исполнительной власти парламента, предоставляя ей достаточную свободу действий, отмечали либералы, позволит значительно поднять степень общественного доверия к исполнительной власти, что, в свою очередь, явится важным фактором устойчивого развития страны²³. Посредством верхней палаты авторы проектов надеялись минимизировать митинговость и непрофессионализм, которые неизбежно будут страдать нижняя палата, избираемая на основе всеобщего голосования в стране без устоявшихся демократических традиций и с низким уровнем политической культуры. Не случайно в некоторых проектах предлагалось наряду с представителями земских учреждений и городских дум ввести в верхнюю палату представителей университетов («Проект Геллерта») или представителей от судебных палат Сената и университетов («финляндский» проект)²⁴.

Необходимость выборного принципа формирования верхней палаты не вызывала у авторов либеральных конституционных проектов сомнения. Как подчеркивалось во введении к «освобожденческому» проекту, аристократическая верхняя палата противоречила бы демократическому характеру русского общества, в котором сам ход истории не позволил сформироваться особому «высшему» классу. Дворянство не может считаться таковым, поскольку оно «имело по преимуществу характер служилого сословия и у него не образовалось даже традиции защищать свою политическую самостоятельность от бюрократии». Никогда оно не стремилось и обеспечить себе «правильное участие в государственной жизни», что доказывает узкосословный характер дворянских собраний, за рамки которого они выходить не желают. Кроме того, конституция неуклонное материальное оскудение дворянства, авторы проекта задавались риторическим вопросом: «Может ли подобное сословие предъявлять какие-либо притязания особой роли в общественно-политической жизни?». Помимо того, аристократическая верхняя палата, по убеждению либералов, противоречила бы и основным принципам русского освободительного движения, для которого «демократия есть не только факт, но и морально-политический постулат». В идеологии освободительного движения указывали они, выше исторического оправдания для всякой общественной формы в грядущем ставилось оправдание нравственное, а потому создание привилегированной корпорации в минуту, которая освящает торжество общего и равного для всех права, меньшей мере, несвоевременно²⁵.

Как отмечал Кокоскин, только представительство органов местного самоуправления может служить гарантией учета парламентом местных интересов, так что Земская палата станет своеобразным связующим звеном между местными и центральными органами власти, позволяющим своевременно разрешать конфликты между ними. Кроме того, по мнению либерала, она будет способствовать защите интересов отдельных народностей, тем самым смягчая остроту межнациональных противоречий и укрепляя государственное единство²⁶.

Но еще более важной функцией Земской палаты либералы считали противодействие излишней централизации власти. «Одна из главных опасностей, угрожающих всякому политическому порядку в России, – отмечали авторы "освобожденческого" проекта, – это превращение его в режим якобинской централизации». В российской истории, указывали они, глубоко укоренилась «пагубная мания управлять всем из Пет-

бурга», а потому у центральной власти всегда есть соблазн последовать этой традиции, ограничивая либо вообще подавляя местную самостоятельность. Поэтому «все, что может быть выполнено местными силами, должно быть поручено им», – настаивали авторы проекта, и именно Земская палата будет способствовать ограждению местной самостоятельности от посягательств из центра и тем самым станет важнейшей гарантией «действительного усвоения начал политической свободы»²⁷. Кроме того, формирование верхней палаты из представителей земских учреждений, с точки зрения Кокоскина, позволяло использовать в законодательной работе лиц, прошедших школу местного самоуправления, а, значит, обладающих определенным общественно-политическим опытом²⁸.

В целом же предложенная в либеральных проектах структура парламента имела своей целью совмещение земского и общенационального представительства, что обеспечивало преемственность традиций земских съездов и единство центрального и местного управления. Следует согласиться с мнением А.Н. Медушевского об оригинальности этой двухпалатной модели. Действительно, если нижняя палата (палата народных представителей) соответствует аналогичным палатам западных конституций, то верхняя (земская) принципиально отличается от них, являясь представительством общественных союзов (земств и городов), а не феодальной аристократии (как палата лордов или правящей бюрократии, зависимой от монарха (как Государственный совет последующего времени или его аналоги в других конституционно-монархических государствах)²⁹.

Однако позиция авторов рассматриваемых проектов, отражавшая взгляды умеренного крыла либеральной оппозиции, не нашла поддержки у либералов-консерваторов во главе с Д.Н. Шиповым. Последние считали двухпалатную систему чужеродным для России элементом, сформировавшимся в Европе в обстановке противостояния монархической власти и сословий, и потому служившим прежде всего средством ограничения верховной власти, защиты населением своих прав. В России же, утверждал Шипов, народное представительство призвано не вступать в конфронтацию с монархом, а восстановить «живую связь и взаимодействие» царя с народом, утраченные при Петре I, стать «органом выражения народного мнения»³⁰. Именно такую роль играли в допетровской Руси земские соборы. Либералы-консерваторы были убеждены в том, что для успешного выполнения этой миссии народное представительство – однопалатный Государственный земский совет – должно состоять из обладающих необходимым опытом представителей учреждений местного самоуправления – земств, формируемых, в свою очередь, на основе цензового и непрямого избирательного права.

Следует отметить, что в либеральных конституционных проектах с бикамеральным принципом организации парламента имелись некоторые различия в трактовке соотношения компетенции палат в области законодательства. «Освобожденческий», «муромцевский», «финляндский» проекты настаивали на равноправии палат, условием чего должно было стать отсутствие жесткой очередности в процедуре обсуждения палатами законопроектов³¹. Помимо того, в «финляндском» проекте в отношении процедуры принятия бюджета специально оговаривалось, что окончательное решение принимает нижняя палата независимо от позиции верхней³². Согласно «Проекту Герценштейна», верхняя палата имела преимущество над нижней, однако ее veto могло быть преодолено в случае повторного принятия законопроекта нижней палатой после очередных выборов³³.

Разногласия в либеральной среде по вопросу о структуре парламента получили специфическое преломление в программах ведущих либеральных партий, отразившись в способах формирования палат, тогда как сама структура представительного органа власти во всех программах была двухкамерной. Наибольшим демократизмом отличалась программа конституционно-демократической партии. По ней нижняя палата должна была избираться всеобщим голосованием, а верхняя – «состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию»³⁴. При этом во имя сохранения един-

ства партийных рядов в программе допускалось и однопалатное представительство хотя, как справедливо заметил В.В. Шелохаев, судя по контексту программы, кадровое руководство отдавало предпочтение именно однопалатному парламенту на основе всеобщего избирательного права³⁵, публичным лозунгом кадетов был бикамерализм.

В программах партий демократических реформ и мирного обновления принципы формирования двух палат были практически тождественны кадетским, несколько ринились лишь характеристики избирательного права³⁶. Сущностное отличие от кадетского варианта бикамеральной системы представляла собой модель парламента, закрепленная в программе «Союза 17 октября» на II съезде этой партии. И если в отношении нижней палаты это проявлялось в ограничении формулы всеобщего избирательного права, то верхняя палата – Государственный совет – превращалась у октябристов в узкий элитарный орган. Согласно программе, одна часть членов Госсовета (не более половины) должна была назначаться монархом, а другая – избираться органами местного самоуправления, духовенством различных вероисповеданий, учреждениями промышленности и торговли и высшими учебными заведениями³⁷. При этом для выборов членов Госсовета предусматривался образовательный ценз – наличие высшего образования³⁸. По вопросу о компетенции палат программы либеральных партий ограничивались декларацией равноправия, и только в программе «Союза 17 октября» дополнительно оговаривалось, что Государственной думе должно быть предоставлено «преимущественное право» в области финансового законодательства³⁹.

Идеологические установки либералов обусловили их позицию в отношении системы представительства, оформившейся в годы Первой российской революции. Как известно, Булыгинскую думу либералы отказались признать настоящим народным представительством, но согласились принять участие в выборах в нее с целью продолжения борьбы за превращение Думы в законодательное учреждение⁴⁰. Указ «Об изменении положения о выборах в Государственную думу» от 11 декабря 1905 г. вызвал неприятие кадетов, поскольку не провозглашал всеобщего избирательного права. В итоге одним из важнейших направлений их законотворческой деятельности в Думе стала борьба за принятие закона о всеобщем избирательном праве. Такой проект был внесен фракцией Партии народной свободы 17 апреля 1907 г. в Думу второго созыва, но из-за ее спуска так и не обсуждался.

Широкий резонанс в либеральной среде получили манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» и указ «О переустройстве учреждения Государственного совета», опубликованные 20 февраля 1906 г. и утвердившие бикамеральный принцип организации российского парламента. Как известно, этими актами Госсовет преобразовывался из законосовещательного органа в верхнюю палату, обладающую равными с Государственной думой законотворческими правами, тем самым получая решающую роль в системе представительств. Либералы восприняли реформу неоднозначно. Резко отрицательно оценили ее кадеты, причем главным объектом критики стал для них принцип формирования верхней палаты. Прежде всего, их не удовлетворяло наличие в составе палаты членов по назначению монарха, на долю которых приходилась половина мест. Миллюков расценил это как попытку «перенести в Россию то, что на самом Западе отжило свой век» – тому же противоречило принципу представительства. Присутствие в составе российской верхней палаты выборных членов, по мнению лидера кадетов, не изменяло принципиального характера этого органа, ибо выборы проходили не только на узкоцензовой основе, но и из той среды, которую правящие круги считали «наиболее устойчивыми слоями населения»⁴¹. Однако, как отмечал В.И. Вернадский, даже это не исключало попадания в Госсовет прогрессивно настроенных деятелей, которые неизбежно становились в оппозицию к «государевым назначенцам», в результате чего верхняя палата, в теории призванная способствовать мирному разрешению конфликтов между монархом и нижней палатой, на практике сама будет раздираема внутренними противоречиями. Более того, кадеты предрекали хронический и неразрешимый конфликт между дву-

палатами парламента, формируемыми на принципиально отличных началах. «О сколько-нибудь нормальном сотрудничестве Государственного совета и Государственной думы говорить нельзя, – писал, в частности, Гессен, – слишком глубока пропасть, отделяющая русское общество от бюрократии»⁴³. В итоге Госсовет будет выступать дополнительным фактором дестабилизации политической жизни.

Однако этим, по убеждению кадетов, негативная роль Госсовета не ограничится, ибо наделение его в области законодательства равными с Думой правами, фактически ставящее верхнюю палату в положение более высокой законодательной инстанции, позволяло ей блокировать любые прогрессивные начинания. Отсюда характеристика кадетами Госсовета как реакционного тормоза для реформаторского законодательства, оплота отживающего порядка, страшной преграды на пути Думы, намордника на народное представительство и т.п.⁴⁴ По замыслу власти, Госсовет должен «не сдерживать чрезмерные увлечения народного представительства», считал Гессен, а парализовать «наиболее скромные из его начинаний»⁴⁵.

Подводя итог реформе Госсовета, кадеты отмечали, что поскольку при ее проведении власть исходила только из охранительных соображений, ни опыт западных стран, ни теоретические наработки государственведческой науки учтены не были. В результате в России насаждалась «наихудшая из существующих и возможных верхних палат», не обладавшая никакими достоинствами, которыми обычно оправдывалось сохранение верхней палаты в структуре представительства⁴⁶.

Разрабатывая тактику в отношении выборов в Госсовет, ЦК кадетской партии на заседании 5 марта 1906 г. высказался против участия в них партии как таковой. Однако отдельным членам партии было не только разрешено участие в выборах, но и рекомендовано войти в состав верхней палаты⁴⁷. Принимая подобное решение, заметил В.В. Шелохаев, кадетское руководство рассчитывало, что, имея своих представителей в Госсовете, ему удастся способствовать более «безболезненному» проведению либеральных законопроектов, принятых Думой⁴⁸. При этом важнейшим политическим лозунгом кадетов стало реформирование Госсовета, поскольку они понимали, что при сохранении верхней палаты в прежнем виде в значительной мере теряет свое значение одно из основополагающих требований кадетской программы – введение всеобщего голосования при выборах в Государственную думу⁴⁹.

Иную, нежели кадеты, оценку реформы Государственного совета дали члены «Союза 17 октября». Поскольку принцип формирования верхней палаты по сути совпадал с программными установками октябристов, представители правого крыла партии, в частности В.И. Герье, сочли состав Госсовета соответствующим историческим традициям и характеру русской конституции⁵⁰. Члены же Московского отделения ЦК партии, называя верхнюю палату полубюрократической, выражали свое несогласие с сохранением в ее составе департаментов, формировавшихся из лиц по назначению монарха и имевших в своем исключительном ведении достаточно важные административные и финансовые вопросы⁵¹.

Главным пороком положения о Госсовете октябристы считали предоставление ему равных с Думой законодательных прав. Причем их озабоченность вызывало не столько то, что Госсовет будет ограничивать инициативу Думы и тормозить реформы, сколько то, что он явится ограничителем воли монарха, лишённого возможности одобрить законопроект, не утверждённый верхней палатой. Отсюда – требование октябристов предоставления Госсовету права отсрочивающего veto, что позволяло оставить последнее слово за императором.

Подводя итоги, следует отметить, что в русской либеральной мысли начала XX в. проблема бикамерализма не случайно занимала одно из центральных мест. В либеральных проектах переустройства России, выдвигавшихся столетие назад, именно двухкамерный принцип был положен в основу организации представительной власти, призванной, по мнению либералов, сыграть ведущую роль в создании нового правового пространства и тем самым выступить в качестве главного рычага реформирования страны.

Кадетский вариант двухпалатной системы являлся для своего времени образцом демократического устройства представительного органа власти. Однако осуществление его предполагалось в стране без устоявшихся демократических традиций, с чрезвычайно низким уровнем политической культуры абсолютного большинства населения. Очевидное несоответствие идеальной модели и реальности, предостережения западных ученых не заставили кадетов скорректировать программные установки, ведь на чаше весов была популярность в массах, добившись которой можно было оказывать давление на власть. Популизм возоблада над политической осмотрительностью.

Двухкамерная модель парламента, закреплённая в программе «Союза 17 октября» на II съезде в мае 1907 г., во многом сходна с системой представительства, оформившейся в стране в ходе Первой революции. В этом проявилось желание октябристов «вписаться» в сложившуюся ситуацию, занять лидирующие позиции в партийном спектре, став партией власти. В итоге если кадеты отстаивали парламентарную монархию то октябристы считали возможным ограничиться установлением монархии дуалистической.

Всестороннее исследование в отечественной либеральной мысли получила и проблема политической роли каждой из палат. Если нижней отводилась роль инструмента формирования гражданского общества и обеспечения социального мира, то верхней – своеобразного стабилизатора политической жизни и одновременно противовеса централизаторским устремлениям исполнительной власти. В целом же, взгляд на историк русского либерализма через призму вполне конкретной проблемы, ставшей предметом настоящего исследования, заставляет еще раз задуматься о таких перманентных проявляющихся в российской политической жизни тенденциях, как популизм, с одной стороны, и политическое лавирование – с другой.

Примечания

¹ Анализ историографической ситуации см.: *Могилевский К.И., Циунчук Р.А., Шелохаев В.В.* Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–17.

² *Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005; *Илюшин В.А.* Юридическая концепция В.М. Гессена. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003; *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

³ *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 326.

⁴ Там же. С. 335–337.

⁵ *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб. 1907. С. 149–150.

⁶ ГА РФ, ф. 1190, оп. 1, д. 16, л. 16.

⁷ *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 361.

⁸ Там же. С. 363.

⁹ *Милоков П.Н.* Государственный Совет и конституция. Речь П.Н. Милокова при обсуждении порядка выборов в Государственный Совет 5 марта 1909 года // III Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. В 2 ч. Ч. II. Речь членов фракции во второй сессии третьей Думы СПб., 1909. С. 192.

¹⁰ *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 356.

¹¹ ГА РФ, ф. 1190, оп. 1, д. 16, л. 15–15 об.

¹² *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 195.

¹³ *Коркунов Н.М.* Русское государственное право // Антология мировой политической мысли в 5 т. Т. IV. Политическая мысль в России II половины XIX–XX вв. М., 1997. С. 280.

¹⁴ *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 334.

¹⁵ *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 142.

¹⁶ *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 330, 334, 364–365.

¹⁷ *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб. 1908. С. 350.

¹⁸ *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 148–149.

¹⁹ *Гессен В.М.* Указ. соч. С. 367.

²⁰ *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 196.

²¹ РГА СПИ, ф. 279, оп. 2, д. 224, л. 109–112; Проект Основного государственного закона Российской империи. Составлен одним финляндским политическим деятелем. Материалы по выработке русской конституции. Вып. 2. Paris, 1906; Проекты Основного Закона Российской империи // Конституционное государство

Под ред. И.В. Гессена и А.И. Каминки. Изд. 2. СПб., 1905. С. 527–551; С.А. Муромцев: Сб. статей. М., 1911. С. 385–406; Право. 1905. № 21, 29 мая.

²² РГА СПИ, ф. 279, оп. 2, д. 224, л. 16.

²³ Там же, л. 47.

²⁴ Там же, л. 111 об; Проект Основного государственного закона Российской империи. Составлен одним финляндским политическим деятелем... С. 8.

²⁵ РГА СПИ, ф. 279, оп. 2, д. 224, л. 45–46.

²⁶ ГА РФ, ф. 1190, оп. 1, д. 16, л. 16 об.

²⁷ РГА СПИ, ф. 279, оп. 2, д. 224, л. 46, 48.

²⁸ ГА РФ, ф. 1190, оп. 1, д. 16, л. 16 об.

²⁹ Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 402.

³⁰ К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6–8 ноября 1904 года. М., 1905. С. 29.

³¹ Проекты Основного Закона Российской империи // Конституционное государство... С. 536; С.А. Муромцев. Указ. соч. С. 395–396; Проект Основного государственного закона Российской империи. Составлен одним финляндским политическим деятелем... С. 13–14.

³² Проект Основного государственного закона Российской империи. Составлен одним финляндским политическим деятелем... С. 16.

³³ Право. 1905. 29 мая. № 21.

³⁴ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 328.

³⁵ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 37.

³⁶ Программы политических партий России... С. 350–351; 358.

³⁷ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М., 1996. С. 341–342.

³⁸ РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1283, л. 41 об.

³⁹ Партия «Союз 17 октября»... С. 341.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 29–33.

⁴¹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 193–194.

⁴² Вернадский В.И. О Государственном совете // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 332.

⁴³ Гессен В.М. Указ. соч. С. 235–236.

⁴⁴ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 194, 196; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 370; Государственная дума. Созыв I. Стеногр. отчет. Т. 1. СПб., 1906. С. 169.

⁴⁵ Гессен В.М. Указ. соч. С. 232.

⁴⁶ Там же; Милоков П.Н. Указ. соч. С. 196.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 33в, л. 11 об.

⁴⁸ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 53.

⁴⁹ Государственная дума. Созыв I. Стеногр. отчет. Т. 1. С. 169.

⁵⁰ Герье В.И. О конституции и парламентаризме. М., 1906. С. 17.

⁵¹ Партия «Союз 17 октября»... С. 173.

© 2008 г. О. С. НАГОРНАЯ*

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НЕМЕЦКИХ ЛАГЕРЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Исследователи, изучающие процессы секуляризации и трансформации религиозного самосознания в первой половине XX в., отмечают, что в экстремальной ситуации люди не только обращаются к традиционной «религиозной смысловой системе», но и вырабатывают новые формы «популярной религиозности», включающей в себя различные суеверия и ритуалы (конкретные черты данного явления довольно расплывчаты и ситуативны)¹. Работы о соотношении конфессиональной и «популярной» религиозности на Восточном фронте Первой мировой войны пока немногочисленны². При этом в них явно недостаточно освещена религиозная жизнь российских военнопленных.

* Нагорная Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Южно-Уральского государственного университета.

Между тем в ходе войны только в немецких лагерях для военнопленных оказалось около 1.5 млн солдат и офицеров русской армии³.

Трудности организации требисполнений

Для приведения религиозной жизни военнопленных в соответствие со ст. 18 Гаагской конвенции в Германии первоначально планировалось использовать уже существовавшую к началу войны военно-церковную организацию, не привлекая «гражданское» духовенство. Согласно расчетам Прусского военного министерства, координировавшего работу с военнопленными в Германской империи, на каждые 3 тыс. солдат и офицеров противника полагался один священник, проводящий богослужения не реже, чем один раз в 2–3 недели⁴. Неожиданная длительность войны и высокая численность военнопленных, постоянное дробление рабочих команд и нехватка священников заставили существенно скорректировать эти предположения⁵. Несмотря на то, что для проведения богослужений в рабочих командах были задействованы не только местные пасторы, но и военнопленные священники, число обрядов для крупных формирований пришлось уменьшить до одного раза в 6 недель, а в небольших и далеко расположенных друг от друга бригадах они были вовсе отменены⁶. Однако даже эта сокращенная программа оказалась трудно реализуема. Хозяева поместий, особенно в разгар сельских работ, отказывались отпускать военнопленных в ближайшую церковь⁷. В Саксонии посещение местных служб сочли нежелательным после того, как около 100 русских и французских военнопленных были заведены на богослужение в придворную капеллу Пильница, где в тот момент находилась королевская семья⁸. В целом германские власти признавали, что удовлетворить религиозные потребности находящихся в рабочих командах военнопленных было невозможно, и лишь немногие из них могли участвовать в богослужении⁹.

Организация религиозной жизни военнопленных из Российской империи представлялась наиболее проблематичной. Постепенно к окормлению сравнительно небольшого числа католиков, протестантов и иудеев были привлечены немецкие священники, равнины или теологи из окрестных университетов. Что касается православных и мусульман, практически все команданты и инспекции сообщали об отсутствии богослужений в течение более чем полугодия вследствие отсутствия духовенства и предметов культа¹⁰. В Военное министерство Пруссии регулярно поступали заявки о предоставлении православного священнослужителя, но удовлетворялась из них лишь каждая десятая¹¹. Нехватку священников немецкие военные власти пытались восполнить за счет направления в лагеря духовных лиц из оккупированных прибалтийских и польских губерний¹². К службам пытались привлечь и находившихся в лагерях французских католических священников, однако многие из них «из религиозных соображений» отказывались отпевать православных и тем более иудеев. Поэтому чаще всего представителям этих конфессий приходилось обращаться к протестантским пасторам¹³.

Усилия российской стороны по организации религиозной жизни военнопленных не представляли собой продуманной системы и по сути ограничивались посылкой в лагерь книг и предметов культа. Для удовлетворения религиозно-нравственных нужд русских военнопленных при Св. Синоде была учреждена комиссия под председательством протопресвитера военного и морского духовенства о. Георгия Шавельского (при этом представителей неправославных конфессий практически оставили без внимания). В ее задачу входило «командировать в Германию и Австрию для пастырского попечения о военнопленных священников, снабжать их необходимыми для богослужений принадлежностями, ...посылать ...военнопленным в духовную помощь и утешение соответствующие издания религиозно-нравственного, научного и общелитературного содержания»¹⁴. Этому должны были способствовать и решения Копенгагенской конференции 1916 г., предоставившие воюющим странам возможность отправить «потребное число духовных лиц с условием, чтобы они не имели права до конца войны выезжать из этой страны без разрешения правительства этой страны». Однако какие-либо при